

АЙРАТ
СЕВИЙОРУМ

АЙРАТ
СЕВИЙОРУМ

Наследница
Роксоланы

Исторический роман

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С28

Севи́йорум, Айрат
С28 Наследница Роксоланы. Исторический роман/
Айрат Севи́йорум. — Москва: АСТ, 2015. — 320 с.

ISBN 978-5-17-089753-7

Ей дали имя Ниса – «красивая женщина»... Своего настоящего имени она не помнила, как не помнила прошлого. Жизнь забросила ее в чужие края, где никто не говорил на родном языке, ей суждено было затеряться здесь навсегда, но судьба была к ней благосклонна. «Красивая женщина» оказалась в гареме молодого Султана. Последний оставшийся в живых сын легендарной Роксоланы, тяготея трон, его преследуют призраки прошлого, а враги ждут малейшей оплошности, чтобы уничтожить его. Внезапная болезнь, свалившая крепкого молодого мужчину слишком похожа на покушение, и только Ниса может спасти его от смерти...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-089753-7

© Севи́йорум Айрат, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

1

Султан Сулейман Великолепный возлежал на смертном одре. Жизнь уходила медленно, по секундам, он мог чувствовать, как с каждым мгновением его дыхание становится реже, кровь стынет в жилах, а члены отвердевают. Притупились чувства, даже боль в ноге, которая мучила его все последние годы и буквально сводила с ума, — и та практически сошла на нет. Казалось, что постепенно его окутывает тончайшая пелена. Однако мысли оставались ясными, а разум — незамутненным.

Сулейман не испытывал страха. Ведь он умирал только физически, а что такое телесная смерть в сравнении с душевными страданиями? В духовном смысле он умер еще восемь лет назад вместе со своей Хюррем, той, ради которой, как он сам неоднократно признавался, и пришел на эту грешную землю, для которой дышал, на которую молился, во имя любви к которой был готов на любые поступки — как на милостивые, так и на жестокие. Конечно, он слышал, как в Топкапы и за его пределами ее называ-

ют ведьмой, до него доходили слухи, что проклятая роксоланка просто-напросто околдовала его и использует в своих целях, что ее главная цель — известить султана и прибрать власть к своим рукам. Более того, он видел и откровенную ненависть, с которой к его избраннице относились обитатели дворца, его мать валиде Айше Хафса, сестра Хатидже-султан, мать его наследника Мустафы Махидевран, великий визирь и по совместительству верный слуга и друг Ибрагим-паша... Однако все это его не смущало. В его душу ни разу не закрадывалось даже малейшее подозрение в преданности своей хасеки. Впоследствии эти нелепые разговоры стали и вовсе его забавлять и одновременно раздражать. О Аллах, неужели им не приходило в голову, что, обвиняя Хюррем, они тем самым сомневаются в нем, своем Повелителе? Более того, наносят ему невиданное оскорбление? Да, поначалу всеобщая ненависть была вполне объяснима: люди попросту завидовали, ведь ей, обреченной стать рабыней, прислужницей, вдруг удалось достичь небывалых высот! Вдруг... Разве вдруг? Женщин (да и мужчин) с таким живым и незаурядным умом, как у Хюррем, он не встречал. С возрастом ее красота поблекла, но ведь все мы подвластны време-

ни, и прожитые годы оставляют свою печать на лице каждого из нас. И тем удивительнее, что люди, несмотря ни на что, продолжали называть ее колдуньей и искать в ней источник всех бед и несчастий султанской семьи и всей империи. А ведь она создала благотворительный фонд, собирала средства на строительство мечети, медресе, больниц, имаретов, но люди этой ее деятельности словно не замечали. Да, верно, плохое бросается в глаза, обвинять, бросить в человека камень, опорочить, покрыть имя позором легко... Даже после смерти Хюррем народ называл ее источником несчастий — от дурной славы не так просто избавиться. Ну и пусть, она сама давно с этим смирилась. Главное, что они всю жизнь любили друг друга, жили друг для друга, дышали друг другом, стали одним существом, и вот уже близок час, когда они вновь будут вместе, теперь уже в вечности.

«О, Хюррем! Моя единственная, несравненная хасеки! Без тебя в моей душе навеки поселился холод, солнце скрылось, небо заволокли черные тучи, и никогда, никогда не будет мне просвета! Тебя давно нет, но любовь моя становится с каждым днем еще сильнее, и тоска, невыносимая, раздирающая, сжимает мое сердце и не дает мне

покоя. Покой я обрету только с тобой. Больше всего на свете я мечтаю увидеть тебя, взглянуть в твои глубокие, понимающие глаза, дотронуться до белоснежной руки, прикоснуться губами к нежным губам... Ты давала мне силу, была моим источником, способным в любой момент воскресить меня, возродить к жизни. Мне не хватает тебя, слезы льются, словно реки, огромные, бурные реки, и нет им преграды, ничто не остановит этого невообразимого течения, сметающего все на своем пути... Только верю в то, что и мой путь скоро оборвется, я пока что еще жив», — так в мыслях он обращался к своей Хюррем. И сейчас, когда веки его смыкались, он видел перед собой ее, ее глаза. В какой-то момент он пожалел, что рядом с ним сейчас нет его детей — любимой дочери Михримах и единственного оставшегося в живых сына Селима, наследника, который после него взойдет на трон, — ведь они оба очень похожи на мать. И у Михримах, и у Селима такой же взгляд, как у нее, а ему бы так хотелось в последний раз увидеть взгляд своей хасеки... Впрочем, эта мысль лишь промелькнула, а потом тени соединились вокруг него, и ему показалось, что он падает в пропасть и одновременно возносится на

небеса... И последнее, едва различимое движение уже побелевших уст: «Хюррем...»

2

Сражение было ожесточенным, но сомнений в том, что победа близка, не было никаких. Сигетвар не устоит. Великий визирь Мехмед Соколлу, выслушав доклад о состоянии дел на поле боя, ощутил спокойствие и удовлетворение. Он был отнюдь не молод, но сохранял бодрость духа. Его чело избороздили морщины, волосы на голове и бороде совсем поседели, в то же время поступь его оставалась твердой, а ум — быстрым и живым. Ясно, что хорваты долго не продержатся, взорванная мина сделала свое дело, разрушив крепость до основания. Им попросту негде держать оборону, всего несколько часов — и вот он, триумф. Мехмед, не шевелясь, смотрел на пепелище, и в его темно-серых глазах, которые светились мудростью, тоже поблескивали яркие огоньки. Он вспомнил последние слова султана: «Великий барабан победы еще не должен быть слышен». Что имел в виду Повелитель? Почему не должен? Может, он предчувствует что-то... Но что именно? Хотя в последнее

время великого падишаха все понимали с трудом. Старость, усталость и болезни давали о себе знать. Он то бормотал что-то, словно про себя, а то, наоборот, становился резким, будто что-то взрывалось внутри него. Мехмеду-паше стоило больших трудов сохранять остатки душевного равновесия Сулеймана. Так, султан уже отдал приказ обезглавить квартирмейстера, из-за которого поход был совершен за один день, а не за два. Несчастный ведь хотел как лучше, он не учел состояния Повелителя, который в последние дни чувствовал себя особенно плохо. Если бы Мехмед не бросился в ноги Сулейману, голова несчастного давно была бы отдана на съедение собакам.

— Выслушайте меня, Повелитель! Пощадите его! Подумайте, ведь благодаря ему Вы совершили невозможное! Мог ли враг ожидать, что султан в таком преклонном возрасте проделает этот путь всего за день? Нет! Вы представляете, как они сейчас трепещут? Они ждали больного, немощного старика, а приехал бодрый, полный сил, великий и могущественный Сулейман, готовый нанести сокрушительный удар!

Мехмеду-паше удалось успокоить разгневанного правителя, но только на время. Позже он все равно отдал приказ о казни —

губернатора Буды, поскольку остался недоволен тем, как он выполнял свои обязанности. Что ж, на все воля Аллаха...

Мехмед уверенно и неторопливо подошел к шатру Сулеймана. Внутри было тихо, должно быть, великий султан уснул. А ведь последние дни его мучала бессонница. Мехмед-паша приблизился к его ложу, и какая-то смутная тревога появилась в его душе. По телу пробежал странный холодок. «Неужели? Нет!» — подумал он, и воскликнул:

— Лекаря!

Тот не заставил себя долго ждать. Худшие опасения подтвердились: султан Сулейман Хан-Хазретлери, тот, кого называли Великолепным, Кануни, был мертв. Мозг Соколлуначаллихорадочно работать. Поддаваться эмоциям сейчас было бы преступлением, нужно действовать и притом незамедлительно. Прежде всего нельзя допустить, чтобы воины узнали о смерти Повелителя. Это Мехмед-паша понял сразу. Ведь тогда в войске начнутся волнения, которые могут повлиять на развитие событий и стать препятствием на пути к победе, а уж этого покойный султан желал меньше всего. Стараясь унять предательскую дрожь, он подозвал лекаря:

— Подойди сюда, Рамазан. Прости, но другого выхода нет.

Все произошло в одно мгновение. Он подал знак дельсизам, немым охранникам султана, которые давно научились понимать приказание сильных мира сего с одного взгляда. Едва заметный кивок головы и чуть прищуренные глаза паши означали для лекаря смертный приговор. Один из охранников вытащил шелковый шнурок и резким движением накинул его на шею ни о чем не подозревавшему Рамазану. Вот так, по воле случая, простой лекарь удостоился смерти, которой умирали только члены султанской семьи.

Затем Мехмед велел позвать к себе Феридан-бея, личного секретаря, проверенного и уже не раз доказавшего свою преданность империи и ему лично.

— Феридан-бей! Найди гонца, дай ему самого быстрого коня и пусть он немедленно, слышишь, немедленно скачет в Анатолию и передаст шехзаде Селиму вот это послание. И никому ни слова!

Феридан-бей был вовсе не глуп. Он в ту же секунду догадался, зачем Великий визирь в столь ранний час отправляет гонца к принцу Селиму и что написано в письме, которое тому предстоит доставить. Лишних

вопросов Феридан задавать не любил, потому, на пару мгновений задержав взгляд суровых черных глаз на Великом визире, будто ожидая, не даст ли тот еще каких-нибудь указаний, развернулся и поспешил исполнять приказ.

3

В ту ночь шехзаде Селим почти не сомкнул глаз. На душе у него было беспокойно. Он переворачивался с боку на бок, пробовал читать, вставал и мерил шагами комнату, снова ложился и закрывал глаза, но спасительная дремота никак не приходила. Наконец, осознав, что сегодня его попытки уснуть останутся бесплодными, он вышел на балкон. Ему в лицо тут же ударила освежающая утренняя прохлада. Он набрал в легкие свежего воздуха и устремил взгляд вдаль — туда, где только-только заалел рассвет. Яркие красно-оранжевые лучи, казалось, с трудом пробиваются сквозь ночную тьму. Жар-птица на востоке поднимается все выше, и темно-серое небо постепенно приобретает нежный голубовато-розовый оттенок. Еще совсем немного — и ночь окончательно уступит свои позиции. Наступает

новый день, который должен стать для него знаковым.

Накануне вечером, когда над дворцом в Кютахье уже спустились сумерки, к шехзаде прискакал гонец со срочным донесением от Великого визиря Мехмеда Сокоглу. Прочитав послание, Селим закрыл глаза. Мехмед-паша сообщил о кончине султана Сулеймана, а также советовал ему, Селиму, встретить войско на обратном пути, чтобы взять власть в свои руки как можно скорее.

Что ощутил Селим в тот момент? Нет, не радость. Он почувствовал страх. Страх грядущего. Страх неизвестности. Страх господства. Отныне он — великий падишах, султан Селим-хан II. Как же трудно в это поверить! В его руках теперь сосредоточена власть над самой могущественной в мире империей. Власть. Но зачем она ему? Видит Аллах, он никогда не жаждал власти. Он искал только свободы и покоя. Долгое время он находил их в объятиях своей дарующей свет Нурбану, а сейчас? Нет, уже нет. Последние события отдалили их друг от друга. Уйти от реальности он мог, только испив вина, и то на непродолжительный срок. Он мечтал о забвении. Селим хотел забыть о том, что он братоубийца, что на

его руках кровь Баязида и его сыновей. Он понимал, что иного выхода у него не было и если бы он не убил брата, то брат убил бы его, но это слабое утешение. Тени Баязида и его детей постоянно являлись ему. Он часто видел один и тот же сон: они с братом, еще совсем дети, бегут по коридорам Топкапы и весело смеются, потом выбегают на улицу, мчатся по саду и вдруг оказываются на краю крутого обрыва. Селим наклоняется, чтобы посмотреть вниз, но неожиданно все его существо пронзает острая боль, он теряет равновесие и падает, однако цепляется за выступ. В отчаянии он просит Баязида:

— Помоги, брат! Прошу тебя! Дай руку!

— Да, сейчас, сейчас!

Ценой невероятных усилий Баязид спасает его от верной смерти.

— Спасибо, спасибо тебе, брат мой!

Он сжимает Баязида в объятиях, они смеются, а потом он, Селим, продолжая смеяться, толкает брата, и тот летит со скалы.

— Нет, нет!

И он в ужасе просыпается.

А еще он часто видел перед собой лицо сестры Михримах-султан, которая в гнев бросила ему:

— Братоубийца! Ненавижу тебя!